

Ильяс Дильшатович Дауди – общественный деятель, публицист, Герой Российской Федерации. Родился в 1967 году в Татарстане. В 1985-1986 годах выполнял интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. Проходил службу в разведывательной роте 149-го гвардейского мотострелкового полка 201-й мотострелковой дивизии в должности разведчика. Награжден двумя орденами Красной Звезды. В августе 1986 года во время общевойсковой операции «Западня» на афгано-иранской границе был тяжело ранен. Лишившись ноги, после длительного лечения в том

же году комиссован из рядов Вооруженных Сил СССР. За мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга в Афганистане, 27 декабря 2009 года был удостоен звания Герой Российской Федерации.

В 2012 году окончил факультет национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Автор множества рассказов и эссе об афганской войне, опубликованных в различных российских изданиях.

Лауреат Всероссийского литературного конкурса учрежденного Центральным Домом российской армии в номинации «Проза и драматургия».

Женат, воспитывает сына и пять дочерей. Живет в Москве.

ТАШКЕНТСКИЙ ГОСПИТАЛЬ–ДОРОГА ДОМОЙ

Ташкент. 340-й окружной военный госпиталь ТуркВО
им. П.Ф. Боровского. Утро 29 октября 1986 года

От летнего зноя остались лишь воспоминания, но солнце всё ещё грело. День выдался тёплый: +22°C.

Руст и Сидор сидели на скамейке в аллее большого госпитального сада у стройных рядов вековых платанов. Мимо них неспешно попарно прогуливались лечившиеся военные в синей госпитальной робе. Их скорым шагом обгоняли спешившие по долгу службы офицеры в военной форме: майоры, подполковники, полковники с эмблемами военно-медицинской службы на петлицах. По случаю дня рождения Ленинского комсомола в госпитале была суета. На фасадах корпусов развешаны красные флаги, с уличных громкоговорителей, воодушевляя на великие свершения, велегласно звучали браваурные комсомольские песни: «Товарищ Песня», «Песня о тревожной молодости», «Не расстанусь с комсомолом», «Любовь, Комсомол и Весна» и другие. На территорию госпиталя, одна за другой, заезжали персональные служебные чёрные «Волги» ГАЗ-24, прозванные в народе «чёрными вдовами», с крупными функционерами и автобусы с представительными делегациями из Ташкентских обкомов КПСС и

ВЛКСМ. Они сбивались в группы с народными узбекскими артистами и вместе проходили праздничным шествием по госпитальным палатам, вручая раненым воинам-интернационалистам ценные подарки и памятные сувениры. За ними к входам госпитальных отделений на бортовых ЗИЛ-130 с огромными казанами плова и ящиками спелого винограда подъезжали сотрудники Ташгоробщепита в белых колпаках и халатах и спорко разгружали угощения. Руст и Сидор только что прошли медкомиссию и были признаны негодными к военной службе.

– Поздравляю! Вот и конец нашей ратной службе! – констатировал Русту понурый Сидор. – Получим законно положенные нам 317 рублей за тяжёлые ранения, и поеду в аэропорт за билетами.

– Нет! Так не пойдёт! – не одобрил Руст. – Давай-ка, брат, исполнимся долгом перед заведённой в роте традицией! Всё должно пройти так, будто мы возвращаемся домой штатно, не из госпиталя. Короче говоря, сначала поедешь в аэропорт и купишь билеты на ближайшие дни. Затем селимся в гостиницу «Узбекистан», а вечером

надею парадки с наградами и пойдём отмечать в ресторан «Заравшан». Дембельскую коляску госпиталь мне уже предоставил, так что я теперь на новых колёсах!

Сидор сделал всё, как напустил Руст. Вечером он покатил коляску с ним в расположенный в 10 минутах ходьбы от гостиницы ресторан «Заравшан», но к их приходу свободных мест уже не было. Руст, полный решимости, важно махнул администратору, и когда тот склонился, сунул в грудной карман его форменного костюма синюю пятёрку.

– Подбери для нас столик, любезный! – горделиво порядил он.

С кратчайшим током времени по велению администратора два непоседливых официанта принесли откуда-то круглый стол и, поставив между другими занятыми гостями и приподнятой сценой, предложили друзьям сесть. Тем временем выступавший вокально-инструментальный ансамбль в ярких вотканных национальных халатах начинал подводку к популярной песне авторов Ю. Энтина и Ф. Закирова «Учкудук – три колодца»:

*Горячее солнце. Горячий песок.
Горячие губы – воды бы глоток.
В горячей пустыне не видно следа...
Скажи, караваник, когда же вода?!*

*Учкудук – три колодца,
Защити, защити нас от солнца!
Ты в пустыне спасительный круг,
Учкудук!..*

После исполнения этой песни музыканты объявили короткий перерыв и покинули сцену. Пользуясь тишиной на эстраде, к друзьям подошёл молодой услужливый официант и наскоро принял заказ, принеся на аперитив бутылку советского шампанского. Гомон зала прервал вернувшийся с перерыва и начавший говорить в микрофон долговязый солист ансамбля с чёрными волнистыми волосами и пышными усами:

– Уважаемые друзья! Сегодня у нас в гостях воины-интернацио-

налисты, разведчики Ограниченного контингента Советских войск в Афганистане Рустам и Сергей! От имени их командира роты, боевого друга и всех гостей сегодняшнего вечера поздравляем ребят с окончанием военной службы в Афганистане и желаем им успехов в мирной жизни! Для них прозвучит знаменитая песня военных лет «Смуглянка».

Её жанр весьма различился от предыдущих песен из репертуара ресторанного ВИА и вызвал в зале оживление и аплодисменты.

*Как-то летом на рассвете
Заглянул в соседний сад,
Там смуглянка-молдаванка
Собирает виноград.
Я краснею, я бледнею,
Захотелось вдруг сказать:
– Станем над рекою
Зорьки летние встречать?!*

*Раскудрявый клен зелёный, лист резной,
Я влюбленный и смущённый пред тобой,
Клен зеленый, да клен кудрявый,
Да раскудрявый, резной...*

(авторы Яков Шведов, Анатолий Новиков)

Руст и Сидор огляделись по сторонам в поисках знакомых лиц. В это время из служебного помещения артистов вышли и спустились со сцены в парадной форме капитан Середа и Костёр. Публика тем временем уже дружно подпевала артистам: «Клен зеленый, да клен кудрявый, да раскудрявый резной...» Возликовавшие от неожиданной встречи, командир и подчинённые начали обниматься и хлопать друг друга по плечам.

– Вот так встреча! – возразился Костёр.

– Это всё Руст! – поведал Сидор. – Не будем, говорит, нарушать ротных традиций! Покуда все наши ротные дембеля домой так воротались, и мы так поедем!

– Правильно мыслил Тукаев! – одобрил командир Середа.

– А как вы прознали, что мы ноне тут?! – любопытствовал Сидор.

– Начнём с того, что мы, как и вы, верны нашим ротным традициям! – патетично продекларировал Костёр. – Поэтому вечером запланировали пойти в «Заравшан». К тому же при регистрации в гостинице нам сообщили, что двое афганцев час назад уже наводили справки, как пройти туда. По описанию мы допустили: а чем чёрт не шутит? Вдруг это вы?!

– Да! – шутейно заметил Руст. – Верность традиции нас и выдала!

Тем временем к столу встретившихся боевых друзей официанты начали подносить бутылки шампанского и цветы, переданные от эмпативных гостей ресторана,

приветствовавших их овациями стоя. Друзья соборно встали и с благодарностью кивнули им в ответ. После шумного застолья с яркими воспоминаниями командир и друзья вернулись в гостиницу. Утром, встав пораньше, Костёр съездил за билетом на тот же авиарейс, которым летели Сидор и Руст. Посидев с капитаном Середой в гостиничном кафе на дорожку, друзья в парадной форме с орденами и медалями и скромными пожитками в дембельских дипломатах двинулись на такси в аэропорт.

– Руст, ты подожди нас тут, – попросил Костёр, подкатив его на коляске к панорамному окну в зале Ташкентского аэропорта, – а мы с Сидором быстро узнаем, нет ли задержки рейса, и купим что-нибудь поесть.

С этими словами они приставили вплотную к колёсам коляски три дипломата и удалились.

В аэропорту была сутолока, виделось много возвращавшихся из Афганистана дембелей в парадной форме с однотипными дипломатами, в которых они везли подарки родным, а кто-то ещё скромные солдатские накопления чеков Внешпосылторга. Дембеля с пиететом приветствовали Руста, а многие чинно подходили позвать ему руку. Вместе с тем Руст чувствовал на себе прикованные взгляды стоявших в сторонке и не внушавших доверия двух молодых людей. Они егзили, переводя взгляды от оставленных у коляски дипломатов на

подогнутые брючины его култей, выжидая, пока Костёр с Сидором отстранятся подальше. Инвалид на коляске, полагали злокоманы, не окажет им сопротивления. Когда Костёр и Сидор исчезли в толпе, они порато сорвались к дипломатам. Но Руст загодя разгадал их устремления и громко свистнул. Не успели байданщики, схватив за ручки дипломаты, рвануть с места, как он кинулся и вцепился мёртвой хваткой им в руки.

Неспособные освободиться от безногого инвалида, они волокли его по гранитному полу к выходу, отбиваясь кулаками и локтями. Но Руст держался стойко. Свист и шум потасовки до-

нёсся до Костра и Сидора. Друзья рванули на помощь и, подбежав к байданщикам, стали их крепко бить. Это продолжалось недолго. Наскоре возникшие милицейские дежурные аэропорта, сбойливый старшина и черемный сержант, оттащили разъярённых друзей в сторону. Грабителей вывели из зала и, посадив в жёлто-синий милицейский УАЗ-469, куда-то повезли. Но Сидор, Руст и Костёр сильно сомневались, что следующим днём эти же лица не станут орудовать в аэропорту вновь. Друзья дождались объявления посадки на рейс «Ташкент – Москва» и, сев в комфортный авиалайнер Ту-154, покинули Азию.

ПОЕЗДКА В ЛЕНИНГРАД

Спустя восемь месяцев после возвращения Сидора, Костра и Руста из Афганистана

МОСКВА – ЛЕНИНГРАД, середина лета 1987 года. Друзья: Сидор – Сергей Сидоренко, Руст – Рустам Тукаев и Костёр – Иван Костров – в ноябре 1986 года вернулись с Афганской войны и, попав в мирную жизнь, начали налаживать быт. Сидор – кавалер ордена Красной Звезды и двух медалей «За отвагу», пользуясь преференцией ветерана войны, поступил на рабфак исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Руст, пройдя вместе с ним череду госпиталей в Афганистане и Ташкенте, встал на протезы и восстановился на первом курсе экономического факультета Московского института нефти и газа им И.М. Губкина, откуда призывался в армию. А

Костёр, отмеченный двумя орденами Красной Звезды, возвращаться в институт, откуда призывался в армию, не стал, а решил поступить в Высшую школу КГБ СССР им. Ф.Э. Дзержинского. По предложению Руста в дни студенческих каникул друзья решили навестить в Ленинграде маму погибшего Стрелы – Людмилу Васильевну. Она приезжала к сыну в Сурхандарью на присягу и угощала всех шестерых – Костяна, Монгола, Стрелу, Руста, Костра и Сидора – купленными в местной базарной чайхане самсой и пловом. Поездка осложнялась тем, что записная книжка, содержащая домашние телефон и адрес Стрелы, была утрачена раненым Рустом вместе с

разрезанным медиками маскхалатом перед хирургической операцией в гарнизонном госпитале Шинданда. В его памяти после перенесённой вместе с ранением тяжёлой контузии сохранилось лишь то, что жил Стрела на Полюстровском проспекте. Номер его дома, по отрывочным воспоминаниям, был то ли 20, а квартира 25, то ли наоборот, а может, и ни то и ни другое.

Как бы то ни было, Руст, Сидор и Костёр, сев в поезд Москва – Ленинград, тронулись в путь. Они заняли отдельное купе и, проговорив в пути всю ночь, утром прибыли на Московский вокзал Северной столицы. Город встретил пасмурной погодой. На площади перед вокзалом, выстроившись в ряд, стояло десятка два такси со светящими зелёными огоньками. Одетые в модные по времени джинсы и куртки MONTANA и US TOP, купленные в афганских дуканах, в кроссовках ROMIKA и Adidas, с яркими спортивными сумками наперевес, друзья привлекли внимание тщедушного, курносого, в потёртой кожаной куртке и несуразной оранжевой кепке таксиста.

– Куда ехать?! – спросил он с прищуром, цвиркнув в сторону.

– Полюстровский проспект, – с нежеланием ответил Руст, оценив моветон таксиста.

Название проспекта было единственным, что он помнил твёрдо.

– Какой дом? – спросил таксист.

– Давай пока на Полюстровский, – дал целеуказание Костёр, – а там будет видно. Начнём с дома 20!

Таксист поглядел на друзей с опаской и указал на свою белую «Волгу» ГАЗ-24 с шашечками. Руст сел вперёд, Сидор и Костёр

– на заднее сиденье. После сорока минут езды по широким проспектам и улицам Ленинграда такси въехало в безлюдную, заброшенную промышленную зону со старинными, с царских времён, бурокирпичными домами с ожидавшими переселения жильцами. Друзья одновременно насторожились.

– Ты куда нас везёшь?! – с напором спросил Сидор.

– Так срежем. Путь будет короче, – ответил таксист, заметно егозя.

Проехав ещё немного, он остановил машину у железной телефонной будки и, посетовав, что забыл что-то выключить дома, отпросился срочно позвонить. Снял трубку и, начав с кем-то говорить, отвернулся. Через некоторое время повернулся, пристально поглядел на ожидавших в машине друзей и, будто проведя рекогносцировку, кому-то о них доложил.

Друзья не ждали подвоха, пока четверо крепких молодцев, скоро вышедших из подъезда и обежавших вокруг такси, резко не открыли передние и задние двери и не приставили к горлу каждого из друзей финские ножи.

– Деньги и ценности, выкладываем быстро! – прогорланил один из налётчиков. – Иначе порежем на ремни!

Паузы не было. Сидор, Костёр и Руст мгновенно мобилизовались, крепко схватив налётчиков за руки, и, затаившись в салон такси, начали жестоко бить и душить. Четвёртый член гоп-компании – акарёнок, сунувшийся в салон через водительскую дверь, – тщетно старался нанести удары по молодившим его корешей кулаками и головами Костру и Сидору, а затем разжать руки Руста, заключившего в клещи и заставившего хрипеть от

удушья третьего подельника. Таксист с ужасом наблюдал за происходившим из телефонной будки. Драка внутри автомобиля вскоре перенеслась на тротуар, где спустя пять минут Сидор добивал крайнего налётчика, лицо которого напоминало мякоть переспевшего арбуза. Трое его корешей, к тому времени обработанные Костром и Рустом, смирились с разгромом и, бросив подельника, хромая, держась за бока и вытирая с лица кровь, поспешно удалились. Как только гопники покинули место нападения, из окон завешанного сохнувшем бельём дома послышался женский крик: «Бандиты! Ты посмотри, что средь бела дня делают, а?! Сейчас в милицию позвоним!»

– Вакханалия! – отметил Костёр, сплюнув на тротуар кровавую слюну.

– Видел бы покойный Стрела, как его родной Ленинград принимает ратных наперсников, непременно огорчился бы! – пригорюнился Сидор.

За этим разговором к машине вернулся таксист. Он был в смятении от неожиданного исхода и, не сумев скрыть взбучку, подтвердил подозрение друзей в своей причастности к налёту.

– Что, штопарь-закоульщик, привёз нас на гоп-стоп?! – припёр его Сидор. – Будешь теперь нас возить по городу нашармака, пока не отыщем искомого адреса или наш крепко контуженный споборитель впрасол вдруг не встямится! Или нам огулом заслатся на съезжий двор?! Выбирай, клевет презренный!

Таксист, скабрёзно клявший приневоливших его басивал, выбрал первое. Друзья заехали сначала на Полюстровский проспект,

дом 20, квартира 25, потом в дом 25, квартира 20, а затем ещё и по другим со схожими цифрами 0, 2, 5, адресам, но не находили квартиры Стрельцовых. При проверке очередного места друзья, направлявшиеся к подъезду дома, услышали за спиной визг шин рванувшего с места такси.

– Сбросил кандалы, ракалия! – пошутил Сидор.

– Вот незадача! – затужил Костёр.

– Надо искать районный военкомат РВК, к которому прикреплен Полюстровский проспект, – домекнул Руст.

– Верная мысль! – поддержал Сидор.

Узнав от одного из прохожих адрес ближайшего РВК, друзья тотчас направились в путь. Уже через пятнадцать минут они стояли у дверей военкомата.

Наступил вечер пятницы. Рабочий день к тому времени уже закончился, дверь в РВК была заперта, и на стук никто не отвечал. Друзья обошли здание с тыльной стороны и, обнаружив служебный вход, постучались. Из-за двери без политеса коротко спросили:

– Чего надо?!

– Здравствуйте! Мы ветераны-афганцы. Приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане нашего товарища, – громко проговорил Руст. – Его звали Стрельцов Герман Владимирович. Могли бы вы дать нам домашний адрес Стрельцовых?

– Ничего не скажем! – послышался из-за двери грубый мужской голос. – РВК таких сведений не даёт! Приходите в понедельник в 8.00 к дежурному.

– Вы, наверно, не поняли?! – вмешался Костёр. – Мы приехали из Москвы и не можем ждать до

понедельника. У нас в этом городе никого нет!

За дверью замолчали. Отчаявшись получить адрес Стрельцовых, друзья сели на ступеньки служебного входа и призадумались: что делать дальше? Внезапно морок внутреннего двора РВК осветился яркими фарами подъехавших с двух сторон жёлто-синих милицейских УАЗ-469 с включёнными мигалками и сиренами. Слетевшие с них два наряда патрульно-постовой службы ППС из местного РОВД, ничего не выясняя, пустили в ход резиновые дубинки, не давая друзьям вставить даже слово. Остановить шквал ударов словами не удавалось. Чтобы умерить пыл за пределами усердствовавших блюстителей порядка, друзья прибегли к силовому сдерживанию. Однако силы были неравны. Прикрывая от ударов дубинками голени, лежавший на земле Руст прокричал:

– Нам кто-то объяснит, в чём наша вина?!

– Сейчас мы повезём вас в РОВД и там продолжим объяснять, в чём ваша вина! – изрёк дебелый старшина с чёрными усами в виде подковы, защёлкивая за спинами друзей, лежавших ничком на асфальте, наручники. – А ещё наши сотрудники снимут в травмпункте побои, и на вас откроют уголовное дело по статье 191 часть 1 – за неповиновение и оказание сопротивления сотрудникам милиции с применением насилия и угроз при исполнении ими обязанностей службы.

Друзей затолкнули в УАЗ-469, в отсек для задержанных. Дверь за ними, оглушительно клацнув, захлопнулась. Неутомимый злокоманый старшина прильнул потным круглым лицом к оконной решётке и желчно проговорил:

– А с учётом устойчивой группы каждый из вас получит по пятёрке!

– Чудак кавайный! – балагурил у решётчатого окна с измазанным лицом и рассечённой губой неунывный Сидор, отряхивая пыль с джинсовой куртки, пуговицы которой были вырваны с корнем.

– Ничего не скажешь, радушный приём! – поддержал юмор Костёр. – Сначала гопники, потом дежурный РВК, а под занавес и милиция родная поучаствовала. Что будет дальше, не берусь даже предположить.

– А мы не к ним приехали! – веско привёл Руст, сжимая от боли высунутые из протезов посиневшие культы голеней.

– Это верно! – согласился Костёр.

– Ну как ты?! – с эмпатией поинтересовался Сидор, взирая, как Руст вдевает культы обратно в протезы.

– Штатно! – по-военному ответил Руст. – В Герате было хуже!

Внедолге милицейский УАЗ-469 подъехал к районному ОВД, и друзей препроводили в камеру предварительного заключения, называвшуюся в простонародье обезьянником. Сюда со всего района свозили участников чрезвычайных происшествий, внутрисемейных разладов и прибывшую на матч 18-го тура 50-го юбилейного Чемпионата СССР с ленинградским «Зенитом» пылкую торсиду тбилисского «Динамо», успешную рукоприкладно поспорить с автохтонными любителями футбола. Некоторых из них выводили на допрос, а о друзьях-афганцах совершенно позабыли, словно их и не существовало вовсе.

– Оно, может, и к лучшему, – мерекали они, – чего будить лихо.

Не докучая дежурному вопросам, Сидор, Руст и Костёр разлеглись на деревянных скамейках и, повспоминав события армейской службы, а в них и павших Стрелу, Монгола и Костяна, заснули.

Наступило утро. Дверь в камеру отворил заступивший на дежурство невысокого роста и интеллигентного вида, приязненный светловолосый капитан.

– Тихо! Тихо! Посторонись! Уроженцев чайного края допросим последними! – иронично уведомил он смятых в кулачной сече и горланивших без умолку болельщиков «Динамо-Тбилиси» и, протиснувшись в глубь заполненной камеры к лежавшим на скамейках друзьям, спросил:

– А вы, камрады, за какой выдающийся подвиг к нам удостоены?!

– Да не было подвига! – отреагировал Руст.

– Не было, говоришь? – усомнился капитан. – Ну пойдём со мной, расскажешь всё обстоятельно. А дружки твои подождут пока в камере.

Руст прошёл за дежурным в комнату, где стояли мигавший лампами большой пульт и куча телефонов, трещавших без умолку.

– Присаживайся! – предложил дежурный-капитан и начал толковать. – В Книге учёта лиц, доставленных в РОВД, и Журнале учёта материалов об административном правонарушении записано: «Вчера около 19.30 группа нарушителей общественного порядка била в дверь Районного военного комиссариата, требуя впустить их вовнутрь. На требование дежурного РВК удалиться дебоширы не только не реагировали, а нецензурно выражались и грозили рукоприкладством». Что можешь пояснить по данному поводу? Только по существу!

– Не было этого, – возразил Руст, – мы вели себя пристойно. Объяснили правдиво, как есть, что приехали из Москвы навестить маму погибшего в Афганистане друга. Поскольку номер дома и квартиры, где он жил, у нас не сохранился, а только название проспекта, мы решили обратиться за помощью в райвоенкомат. А добраться до РВК обстоятельства позволили нам только вечером.

Вчера, как известно, была пятница – конец трудовой недели и короткий рабочий день. Военкомат к нашему прибытию был уже закрыт. Нам не оставалось ничего другого, как обратиться к дежурному РВК, чтобы он помог с адресом. Он отказался войти в наше положение да ещё цинично послал до понедельника. Дополнительно к этому вызвал два наряда милиции, задержавшие нас жёстко, с применением силы.

– Хорошо! – допустил капитан. – Покажи мне свой паспорт и назови полное имя матери погибшего друга.

– Вот мой паспорт! – Руст протянул его капитану. – А маму покойного друга зовут Стрельцова Людмила Васильевна, она живёт на Полюстровском проспекте.

Капитан пролистнул паспорт, убедился в московской временной студенческой прописке и вернул его.

– Сейчас я запрошу по базе, – сообщил он и, сняв трубку, проговорил: – База! Посмотрите мне, Стрельцова Людмила Васильевна, Полюстровский проспект.

Внедолге ему ответили. Он возбудился, прижал подбородком к плечу трубку и, спешно порвав чистый лист бумаги пополам, повторяя за голосом на линии, быстро написал адрес: дом 5, квартира 20 – и номер домашнего телефона.

– Держи! Сейчас наберём ей по телефону, – намерился капитан.

– Не надо! – резко пресёк Руст. – Её лучше не беречь раньше времени. Мы подъедем и на месте всё решим.

– Как знаешь, – не возразил капитан.

Они вернулись к камере, капитан выпустил оттуда Сидора и Костра и, сопроводив всех троих к выходу, приготовился закурить. В этот момент в дверях им встретился привёзший надысь друзей в РОВД водитель УАЗ-469.

– Гриша! Подбрось афганцев на Полуостровский, 5! – по-свойски призвал капитан.

Сидор, Руст и Костёр переглянулись.

– Нет, спасибо! – с улыбкой ответил Руст. – Мы охотно своим ходом.

Утро было пасмурным. Откуда-то слышалась песня «Звёзды нас ждут сегодня» популярной в конце 1980-х группы «Мираж». Воодушевлённые обретенной свободой, друзья остановили такси и, купив по пути торт и цветы, приехали на Полуостровский, дом 5. Они легко нашли нужную квартиру, и Руст позвонил в дверь. Послышались шаги, и через несколько секунд дверь отворила высокая седая женщина.

«Глаза у мамы, как и у Стрелы, такие же голубые-голубые», – заметил про себя Руст.

– Здравствуйте, Людмила Васильевна! Мы Геринины армейские друзья! Вы нас не помните?

– Боже мой, ну, конечно же, я вас помню! Проходите, ребята! – пригласила она войти.

Друзья заметили у Людмилы Васильевны кручину, наполнившую её глаза слезами, и сконфузились. Костёр передал цветы и торт.

Друзья помыли с дороги руки и направились в зал. Проходя мимо маленькой комнаты, они взглядом зацепились за висевший на стене большой портрет с улыбавшимся Стрелой. Друзья на мгновение оцепенели.

– Проходим дальше! – тихо скомандовал Руст.

Они зашли в зал и сели в мягкие кресла и на диван. Наверху серванта в вертикальном положении стоял катушечный магнитофон МАЯК-203 с бобинами и заправленной лентой. Было такое ощущение, будто Стрела, поклонник творчества советских рок-групп «Воскресенье», «Динамик», «Крузи», «Карнавал», лишь ненадолго вышел из комнаты, выключив его. За стеклом в рамке стояла коллективная школьная фотография.

– Ребята, помогите мне раздвинуть стол, – попросила принёсшая вазу с цветами Людмила Васильевна.

Друзья дружно встали, споро выдвинули и соединили воедино две столешницы, накрыв их скатертью и засервировав.

– Скоро будут готовы вареники с картошкой и творогом, Гера их обожал, – поделилась светлым прошлым Людмила Васильевна. – Я как чувствовала, налепила их с запасом и положила в морозильник. Геринины одноклассники меня всё время навещают и на кладбище к нему ездят. Бывает, поеду туда, а на могилке цветы свежие – помнят. Спасибо им!

Друзья, опустив глаза, молчали. На их сердцах лежал тяжёлый камень, ведь они вернулись живыми, а её сын Герман – их товарищ Стрела – погиб. Каждый из них вспоминал тот бой в Хост-Ва-Ференге и думал, можно ли было

предотвратить его гибель, а с ней смерти Монгола и Костяна.

Людмила Васильевна отлучилась ненадолго на кухню и, подав горячие вареники, пригласила всех за стол.

– Вот и собрались, – произнесла она сумно, утерев слезу.

– Мы хорошо помним, как вы приезжали к Герману на присягу в Сурхандарью, – начал Руст, – как угощали нас шестерых пловом и самсой. Их вкус у нас до сих пор во рту.

Людмила Васильевна улыбнулась.

– Герман наверняка писал вам о нас, и всё же я напомним наши

имена: я – Рустам Тукаев, справа от меня – Сергей Сидоренко, слева – Иван Костров. Нас было шестеро, трое, Герман, Константин и Дархан, погибли. У нас нет для вас слов утешения, – продолжил Руст уже стоя, – их ещё не придумали для матери, потерявшей единственного сына. Но мы втроём постараемся хотя бы частично заменить вам Германа.

Друзья встали и молча помянули друга. Затем, с разрешения Людмилы Васильевны, Сидор снял висевшую на стене гитару и, настроив, запел песню барда-афганца Юрия Кирсанова:

Не надо нам громких тостов,
Не надо бокалов звона,
Не в радость нам эта водка,
Что в кружках у нас сейчас.

Останутся в памяти нашей
Запыленные батальоны
И погибшие наши ребята,
Что всегда будут жить среди нас.

Первый тост – за ушедших в вечность,
Пусть же будет земля им пухом.
Мы запомним их всех живыми,
Тихим словом помянем их.

Тост второй – за удачу и смелость,
За ребят наших, сильных духом,
Чтоб остались душой молодыми
И друзей не бросали своих.

На суровой земле афганской,
Под чужим, неласковым небом,
Родилась наша крепкая дружба,
Что в бою выручала не раз!

За нее третий тост поднимем
И поделимся солью и хлебом,
Пусть же вечная будет та дружба,
Здесь навеки связавшая нас!

Отведав любимых Гериных вареников и поговорив за столом, друзья предложили Людмиле Васильевне поехать на его могилу. Было пасмурно, всё ждало дождя. Друзья взяли такси и выдвинулись к Северному кладбищу. В дороге, на проспектах и улицах города спорадично встречались болельщики «Зенита», загодя сбивавшиеся в кагалы перед походом на стадион имени С. М. Кирова. Когда добрались до кладбища, к месту, где были похоронены погибшие в Афганистане воины-интернационалисты, взору друзей предстал длинный ряд свежих могил. С фотографии на памятнике одной из них глядел молодой лейтенант-лётчик в парадной форме. Под его именем была высечена эпитафия:

«Ты моя радость, моё горе, моя любовь, моя печаль».

— Этого парня привезли давеча и памятник на могилу поставили тем же месяцем, не выдержав времени, пока земля осядет, — поведала Людмила Васильевна, проходя за спинами Сидора, Костра и Руста, застывших перед бередившей душу надписью.

Свежие захоронения воинов-афганцев заслонили могилу Стрелы, оставшуюся в глубине. Дойдя до неё, друзья увидели выгравированные в светло-бордовом граните фотографию и имя: «Стрельцов Герман Владимирович. Воин-интернационалист». На могиле лежали несколько букетов свежих роз и гвоздик.

«Молодцы одноклассники!» — подумали про себя Руст, Сидор и Костёр.

— Здравствуй, сынок! Вот и друзья к тебе приехали, — спокойно произнесла Людмила Васильевна.

Она постояла недолго, глядя на фотографию сына и, полив воду на

отрезок материи, начала вытирать памятник от пыли. На безмолвно взиравших из-за её спины друзей это произвело тягостное впечатление. С фотографии улыбался благодушный по жизни Стрела.

— Великая Отечественная война застала меня полугодовалым ребёнком в Пскове, — стала рассказывать Людмила Васильевна при выходе из кладбища, — кроме меня в семье были ещё старшие: сестра 1938-го и брат 1939 года рождения. Нас, троих маленьких детей и маму, немцы отправили в концентрационный лагерь близ Кёнигсберга, а освободили из застенков части Красной армии. После войны, окончив среднюю школу, я поступила в Псковский политехнический институт, где познакомилась с будущим мужем Владимиром Стрельцовым. Вскоре мы поженились, и у нас родился сын Герман. Жили мы счастливо, пока в 1971 году Владимир не погиб в автомобильной катастрофе. Так я осталась вдовой с четырехлетним сыном на руках. Всю жизнь проработала на одном из крупных оборонных предприятий и не стремилась устроить личную жизнь, посвятив себя целиком Гере. Школу он окончил на хорошие оценки, однако в институт решил поступать уже после армии. В 18 лет, в октябре 1984 года, очевидно, как и всех вас, с первой группой призывников Геру направили в Туркестанский военный округ в Сурхандарью. Что произошло дальше, вам известно.

Вернувшись на Полюстровский проспект в квартиру Людмилы Васильевны, друзья сходили за продуктами, и Руст приготовил узбекский плов. За ужином вновь помянули Стрелу. А когда встали из-за стола и покинули зал, то

заглянули в комнату с портретом друга. Войдя в неё, обратили внимание на следы обильного соседского затопления с верхнего этажа. На потолке, углах и стыках стен виднелись большие высохшие подтёки и отклеившиеся обои.

– Да это наш новый сосед, – без злости указала Людмила Васильевна, убиравшая посуду, – затопил меня сверху ещё в конце зимы. Он человек видный – директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, где ватажуются все ленинградские фарцовщики. Он купил две смежные квартиры и объединил их в одну. Соседи говорят, что подарок молодой любовнице – будущей оперной диве Мариинского театра. Когда делал глобальный ремонт, заодно решил поменять все трубы и отопительные батареи. А ремонтники его что-то недоглядели. За минувшие полгода я уже несколько раз ходила в ЖЭК и к нему лично обращалась, чтобы устранил последствия затопления, – всё без толку.

– А мы с ним завтра непременно познакомимся, – заверил Руст, – и обязательно урегулируем этот вопрос.

Между тем на стадионе им С.М. Кирова начался матч Чемпионата СССР по футболу между ленинградским «Зенитом» и тбилисским «Динамо». Костёр, яростный болельщик московского «Спартака» – давнего соперника «Зенита», с интересом засел у телевизора, желая поглядеть его трансляцию. На стадионе было облачно. В начале встречи хозяева поля неизменно теснили гостей, и на 8-й минуте ведущий форвард «Зенита» Владимир Клементьев хлестким ударом в верхний угол забил в ворота динамовцев Тбилиси зрелищный гол. Счёт стал 1:0. Из окон и

с балконов ближайших домов раздались крики и свист ликовавших болельщиков «Зенита». Спустя короткое время шум стих, игра продолжилась. Людмила Васильевна, отказавшись от сторонней помощи, тем временем крутила мясной фарш для котлет, а Руст и Сидор, безразличные к футболу, остались в комнате Стрелы и продолжили вечер воспоминаний. Внезапно общение прервали доносившиеся с верхнего этажа крики.

– Ты слышал?! – спросил Сидор у Руста.

– Слышал! – подтвердил Руст.

Через мгновенье голоса заглушил усилившийся звук телевизора, транслировавшего футбольный матч.

– Сидор! А ну-ка кликни Костра, сходим разведем, что там происходит, – предложил Руст.

Ничего не сказав, они спешно покинули прихожую.

– Ребята, вы куда? – бросила им вслед Людмила Васильевна.

– Мы ненадолго, – заверил Руст, прикрывая за собой дверь.

Друзья торопко поднялись на этаж выше и, повернув ручку незапертой двери, вошли внутрь. В квартире стоял полумрак, пахло сигарным дымом. Свет исходил от тускло светивших в коридоре старинных бра и высокого торшера с жёлтой ажурной тканью в ближнем углу зала. Что происходило внутри него, из прихожей было не видно. Вместе с тем, под туалетной дверью виднелась полоска света. Руст обратил на это внимание Костра и, показав ему жестом остаться прикрыть, сам двинулся вперёд. Сидор шёл следом. Медленно ступая по фигурному ореховому паркету, вдоль стен, оклеенных финскими обоями Sandudd, мимо комнат с антикварной мебелью в стиле

Бoulle эпохи короля Людовика XIV, они подошли к зале, где громко работал телевизор. Там коротко стриженный высокий и плечистый битюг в джинсах Lee Cooper и ветровке Marimekko нависал над сидевшим в антикварном кресле эндоморфным мужчиной лет 35 с обильным волосяным покровом и трёхдневной щетиной. В руках громила держал подключенный к сети утюг. На терпелинике красовались цветастые семейные трусы и белая майка. Руки и ноги его были связаны, во рту был кляп. Чуть поодаль, в глубине залы, на парном кресле сидела сходно упакованная дивной красоты и изящных форм молодая дама. Локоны её волнистых каштановых волос были раскинуты на верхнем кружеве короткой, цвета маренго шёлковой сорочки, стройные бёдра оголены. Сбочь на диване, закинув руки за голову и ногу на ногу, не отвлекаясь на неземную красоту, сидел ригидный акарёнок, отрешенно следивший за ходом футбольного матча.

– Аха, их трое! – сообразил Руст – Чем же нам их ошеломить?!

В этот момент открылась дверь туалета и показался третий сообщник. Костёр, не дав ему опомниться, точным прямым ударом в подбородок втолкнул его обратно. Шла шестнадцатая минута матча, и на стадионе зарядил проливной дождь. В ходе игры из-за нарушения правил футболистом «Зенита» судья Эдуард Дидур назначил штрафной по воротам хозяев поля. Пробыть его тренер тбилисцев Кахи Асатиани доверил Отару Коргалидзе. Сильным ударом тот поднял мяч над стенкой и направил в дальний от вратаря верхний угол. Раздосадованный пропущенным голом, акарёнок вскочил с ди-

вана и проматерился, сподвигнув друзей к решительным действиям. Сидор рванулся в комнату и резко выдернул из электросети кабель телевизора, а Руст вытащил из грудного кармана джинсовой куртки красное удостоверение «инвалида войны» и плотно, чтобы не разглядеть надписи, приставил в развёрнутом виде к лицу остоленевшего садюжника:

– ОБХСС! Отдел борьбы с хищением социалистической собственности! До подхода опергруппы и сотрудников прокуратуры всем оставаться на своих местах! – истово прогорланил он, войдя роль.

Притеснители были обескуражены.

«Вот мы попали! – подумали они. – По ходу директор „Берёзок“ Иткин был в разработке в ОБХСС?! А нам паровозом за его грехи чалиться?»

«Однако не слишком ли молоды и ладно одеты эти опера?! Скорее мошенники залётные», – домекнул их старший, битюг.

Выяснение личностей обэхаэсников, вломившихся в квартиру, требовало времени. Не дав терзателям завершить умозаключения, Сидор схватил за горлышко матово-зелёную бутылку с объёмным тиснением буквы «N» и золотистой надписью «CAMUS NAPOLEON», стоящую на мраморной столешнице рядом с вазой, заполненной фруктами, и коробкой сигар Partagas, и, замахнувшись, ударил о голову битюга, расколов на мелкие осколки. Пытатель рухнул на пол к ногам хозяина квартиры. Янтарного цвета элитное питьё разлилось по полу, раздав дуновеньем букет ароматов переспевшего инжира, спелого персика и цветочной ванили с тонами

грецкого ореха, древесными нотками тика и палисандра. Потрясённый увиденным, акарёнок робко попытался встать с дивана, но, увидев жест ладонью вытянутой руки и золый зрак Сидора, повелевшие не сходить с места, безропотно покорился. Руст переступил через распластанного посреди колотого стекла и разлитого коньяка тихо вывшего, державшегося за голову битюга и, наклонившись, вытащил изо рта терпельника кляп.

– Телефон где? – спросил он коротко.

– Там! – кивнул головой в сторону связанной спутницы жадно выдохавший воздух мужчина.

Руст подозвал Сидора и на ухо тихо проговорил:

– Запри дверь и держи с Костром оборону! Так, чтобы никто не выскользнул! Отворишь, когда приедет милиция!

Руст отыскал переносную телефонную трубку и, прозорливо не развязав хозяина квартиры, нажал у него на глазах две кнопки – 02. Когда на обратной стороне связи ответили: «Милиция», Руст приложил трубку к его щетинистой щеке и приказал: «Говорите!» Обрадованный незаконоломностью второй группы, хозяин квартиры грассировал без умолку, как печатная машинка:

– Приезжайте, пожалуйста, срочно! Моя фамилия Иткин, зовут Яков Ильич. На меня совершено нападение!

– Ваш адрес? – строго спросили на проводе.

– Полостровский, дом 5, квартира 24, – продиктовал Иткин.

– Наряд уже выезжает, ждите! – уведомили на линии.

Услышав разговор с милицией, сидевший на диване акарёнок, поразмыслив, вскочил и метнулся к

выходу, но был остановлен железным кулаком Костра и слёг в коридоре. Милиция прибыла торопко. Её сотрудники развязали сладкую парочку, а остальных фигурантов пассажира, в их числе Руста, Сидора и Костра, до выяснения обстоятельств заковали в наручники и повели к выходу. Услышав в подъезде шум и увидев во дворе милицейские машины, Людмила Васильевна с тревогой в сердце и мыслью – не струсилась ли с ребятами беда? – вышла на лестничную площадку. В это время по ней в сопровождении вооружённых сотрудников милиции, с защёлкнутыми за спиной наручниками, спускались шестеро молодых людей. За ними шли прихрамывавший Яков Иткин и его очаровательная сошественница.

– Людмила Васильевна, не беспокойтесь! Ложитесь спать, – успокоил Руст, пообещав: – Мы к утру непременно будем!

– Давай, давай! Не размусоливай! – вставил вперекор низкого роста неказистый милиционер с тощим лицом, подталкивая задержанных до милицейского «уазика».

В РОВД приехали быстро.

– О, старые знакомые! – обрадовался новой встрече куривший у входа в РОВД благожелательный капитан, завидев слезавших с УАЗ-469 Руста, Сидора и Костра. – Что, опять военкомат штурмова-ли?!

– В этот раз хоть не били! – выгодно заметил Сидор.

Их отпустили под утро – после письменных объяснений Якова Иткина, его пассии Киры Вайсман и друзей: Сидора, Руста и Костра. Когда, изможденные после ночной перипетии, они вышли из РОВД, уже светало. Иткин по телефону вызвал служебную чёрную

«Волгу» ГАЗ-24 и, отпустив водителя, сам сел за руль. Гражданка Вайсман села вперёд, а Сидор, Руст и Костёр – сзади. Скоро доехав на Полюстровский проспект, компания вошла в подъезд. На лестничном марше у квартиры Людмилы Васильевны Иткин обратился к Русту:

– Предлагаю завтра в 13.00 прийти ко мне на обед!

Руст на мгновение задумался, но, изнавившись вспомнив, что к Иткину есть вопрос по восстановительному ремонту, произнёс:

– Почему нет?! – допустил Руст, глядя на Костра и Сидора: – Полагаю, ребята тоже будут не против.

В ответ друзья промолчали. Утром они поспали подольше и, погуляв недолго по району, в условленное время вместе с Людмилой Васильевной поднялись к Иткину. К этому времени следы ночного происшествия были уже устранены. К столу были поданы привезённые из ресторана гостиницы «Астория» изысканные блюда и деликатесы, типа белужьей и кетовой икры, стерляди горячего копчения, сёмги и балыка. На горячее был судак «Орли» под соусом тартар и отбивные бараньи котлетки на косточке. Из спиртного – водка SMIRNOFF и французский коньяк CAMUSNAPOLEON.

– Что они хотели от вас? – поинтересовался Руст у Иткина, не прикасаясь к яству.

– Видите ли, – начал объяснять Иткин, – я директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, дома 9 и 15. Наши магазины торгуют аудио-, видео – и бытовой техникой, а также другими дефицитными товарами. Оплата производится только валютой или чеками Внешпосылторга. Чеки –

это такой вид денег. Им оплачивается труд граждан, работающих или служащих за границей.

– Мы знаем, что такое чеки Внешпосылторга, – сообщил Руст, – в Афганистане нам их давали, хоть и немного.

– Так вы афганцы?! – возбудился Иткин. – Ну, ладно. Давайте сначала я отвечу на ваш вопрос. Недавними Постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР в связи с перестройкой и гласностью объявлена борьба с привилегиями – «за равенство и социальную справедливость». Правительство СССР приняло решение с первого января 1988 года ликвидировать систему торговли «Внешпосылторг» и закрыть все магазины «Берёзка». Возник ажиотажный спрос на нашу продукцию. Речь идёт об импортной видео – аудио – и бытовой технике, ну и одежде, конечно. У наших магазинов начали выстраиваться огромные очереди. Обладатели крупных сумм чеков готовы платить сверху много больше, лишь бы успеть их скорее отоварить. С 1988 года торговля в магазинах «Берёзка» будет осуществляться только по безналичному расчёту. Так вот, учитывая, что магазины, которыми я руковожу, находятся в так называемом «Бермудском треугольнике», месте, где вращаются самые разные элементы: от фарцовщиков и валютных путан до бандитствующих элементов, вчерашний инцидент – это лишнее тому подтверждение. Преступники стремятся установить контроль над очередью. Они используют льготные удостоверения ветеранов и инвалидов Афганской войны. Ведь афганцы, как вы сами сказали, получали чеки, пусть даже солдаты меньше, а офицеры

больше, но все они по закону в равной степени обладают правом отоваривать их во всех магазинах «Внешпосылторга» в любой точке СССР. Разница между удостоверением ветерана войны и инвалида войны заключается в том, что инвалидов мы обязаны обслуживать вне очереди. Вы понимаете, как это упрощает задачу тем, кто замкнул на себя потоки держателей крупных сумм в чеках и валюте?

– Схема понятна! – вял Руст, не проявив к данной теме интереса. – Яков Ильич! У нас к вам бытовое дело. Вы затопили квартиру многоуважаемой Людмилы Васильевны. На протяжении полугодия она безуспешно пытается добиться от вас восстановительного ремонта. У нас к вам компромиссное предложение в виде настоятельной рекомендации: обеспечьте нас приличными обоями, клеем, кисточками и другими подручными средствами, а мы сами в ближайшие дни сделаем ремонт и снимем эту проблему. А то, знаете ли, дела в Москве не ждут. Установить площадь затопленной

спальни труда вам не составит. Она идентична вашей. Поэтому, пожалуйста!

– Конечно, конечно! – взволнованно заверил Иткин. – Уже сегодня вечером у вас всё будет. Простите, мне очень неловко, что так получилось! Может, я всё же дам вам рабочих?

– Мы бы не хотели переключать эту почётную миссию на посторонних людей и с удовольствием выполним её сами. Так что только материалы! – с улыбкой заключил Руст, переглянувшись с друзьями.

На этом тема восстановительного ремонта была закрыта. В завершении обеда за чаем и десертами Яков Иткин положил руку на плечо Кире Вайсман и горделиво попросил:

– Душа моя! Спой нам, пожалуйста, мой любимый.

Дива с готовностью встала из-за стола и, взяв со специальной подставки акустическую гитару, начала играть перебором и меццо-сопрано исполнять романс «Белой акации гроздь душистые»:

Целую ночь соловей нам насвистывал,
Город молчал, и молчали дома.
Белой акации гроздь душистые
Ночь напролет нас сводили с ума.

Сад весь умыт был весенними ливнями,
В темных оврагах стояла вода.
Боже, какими мы были наивными!
Как же мы молоды были тогда!

Все слушали, наслаждаясь божественным голосом и исполнением, всецело согласующимся с её внешностью. Когда романс был завершён, все дружно захлопали.

– Восхитительно, ничего не скажешь, – оценил Сидор. – А можно мне сыграть одну из наших? – предложил он.

– Ну конечно! – охотно согласился заинтригованный Иткин и передал ему гитару.

Руст и Костёр переглянулись. Сидор провёл пальцами по струнам и запел песню барда-афганца Игоря Морозова «Я братьев двух когда-то знал»:

Я братьев двух когда-то знал,
С одним в Афгане воевал,
Ходили к чёрту на рога и к ведьмам в зубы.
Стрелять он был большой мастак,
С десяти шагов менял пятак,
Был по натуре весельчак, хоть с виду грубый.

А старший был обществовед,
На все вопросы знал ответ,
Имел отдельный кабинет, машину, дачу,
Жил то в Париже, то в Москве,
Имел семь пядей в голове,
Но дело даже не в уме – поймал удачу.

И вот когда, окончив срок,
Мы все покинули Восток,
Домой вернулись те, кто смог дойти до цели,
Явился к старшему меньшей,
Всё ж как-никак, а брат родной.
Тот накрывает стол большой – мол, ждал и верил...

После этого куплета Людмила доточив на себе сострадательные
Васильевна утерла слезу, сосре- взгляды Костра и Руста.

...Там спирт окопный глотки жёг,
А здесь – французский коньячок,
Икорка, сёмга, балычок, язык телячий.
И почему-то вспомнил я,
Как провожали нас друзья:
Чеснок, четыре сухаря и фляжка чачи.

Меньшой сидел и молча пил,
Тут старший тост провозгласил
И выпил из последних сил «за тех, кто в море».
И, повертев на свет стакан,
Сказал, икая: «Слышь, братан,
Да брось ты свой Афганистан, он не в фаворе.

Пройдёт каких-то пара лет,
Его забудут – был и нет,
Твой автомат и пистолет – глупцам забава.
Иные нынче времена, другие мерки и цена,
Кому нужна твоя война, ну что ты, право.
Бери пример, ну вот с меня.

На фронте не был я ни дня,
А посмотри – моя семья в шелках и славе.

Имею в обществе престиж,
То в Лондон езжу, то в Париж,
То в Риме с месяц погостишь, а то – в Оттаве».

Тут младшего тяжёлый взгляд
Его прервал: «Отставить, брат.
Я не политик, я солдат, и мне до дверцы
Вся философия твоя
И золотая чешуя гнилых сентенций.

Да что ты знаешь о войне?
Вы здесь погрязли в баракле,
И лозунг – «я тебе, ты мне» – как песня вам,
А на иного подлеца
Вполне хватило бы свинца,
Неполных девять грамм.

Иной до титулов дорос,
А как дорос – ещё вопрос.
Здесь главное – по ветру нос держать умело.
А я хотел бы посмотреть,
Какие песни станет петь,
Он под обстрелом.

Чтоб ты в Европу ездить мог,
Дань кровью брал с меня Восток.
Я больше износил сапог, чем ты – штиблет.
Ты здесь в арабскую кровать
С женой ложился почивать,
А там привык на камне спать я с пистолетом».

Мой друг – не мастер говорить,
Умел он в спорах трезвым быть,
Но вижу, начал заводиться его браточек,
И друга я увёл к себе во избежание ЧП.

Мы с ним бродили по Москве до самой ночи.
Какая б ни была беда, мы слёз не лили никогда.
Обиды горькая вода бойцу опасна.
Друг, стиснув зубы, соль глотал.
Что думал он, о чём гадал?

Я думал так же и молчал – всё было ясно.
Потом судьба нас развела,
Его на Север позвала,
Меня замучили дела, работа, дети.
А брат его, обществовед, в Париж уехал на пять лет,
Он там большой авторитет, в посольстве третий.

Сидор закончил петь, повисла мрачная тишина.

– Ну, нам пора идти! – произнёс Руст.

Друзья и Людмила Васильевна дружно встали и, поблагодарив за вкусный обед, вышли из-за стола.

– Я провожу, – вызвался Иткин.

Когда гости подошли к порогу, Руст пропустил всех вперёд и, прикрыв за ними дверь, обратился к Иткину:

– Яков Ильич! Людмила Васильевна – мама нашего погибшего в Афганистане друга. Она нам как мать. Хотелось бы, чтобы вы приняли это к сведению.

– Я уже всё понял! – заверил Иткин.

Перед тем как уйти, Руст крепко сжал его руку и, поглядев пронзительно в очи, дал понять, что скрепил этим достигнутую договорённость. Уже вечером в дверь квартиры Людмилы Васильевны позвонили уполномоченные Иткиным люди и сообщили, что привезли необходимые для ремонта материалы. Обои оказались той же фирмы, что и у Якова Иткина, – финской Sandudd, и не

на одну комнату, а на всю квартиру. К ним прилагались клей и инструменты. Через три дня квартира Людмилы Васильевны была обклеена новыми обоями, а друзья, Руст, Сидор и Костёр, с чувством выполненного долга убыли в Москву.

Шло время. 15 февраля 1989 года Советские войска вышли из Афганистана. Генеральный секретарь ЦК НДПА Президент Афганистана Мохаммад Наджибулла сказал тогда: «Ваш Верховный Совет дал оценку решению о вводе Советских войск в Афганистан в декабре 1979 года. У политиков своя ответственность, и о ней уже достаточно сказано. Я же склоняю голову перед памятью советских людей, которые отдали свои жизни, выполняя воинский долг. Война принесла много горя. Она не сразу забудется. Но не забудется также многими и многими афганцами доброта и мужество советских людей, их бескорыстие и человечность».

Спустя 7 лет Мохаммад Наджибулла вместе с братом будет растерзан талибами в Кабуле.